

* * *

Вот — дерево,
оно — дуб,
оно поверило
в непогрешимость губ,
с которых слетело имя,
что вырезано на коре,
но буквы затянуты липкими
и тугими
смолами, да и зима на дворе...

Вот — дерево,
оно — ясень,
оно в вопросах материи
в виде хвороста огнеопасно,
а так — статический символ
задеревенелости вящей —
набранный кем-то курсивом
филологический ящер.

Вот — дерево,
оно — клён,
оно течёт по артериям
будто бы под уклон,
но выпорхнет из древесины
бабочка-бензопила,
и в ворохе стружек невыносимо
запахнет тем, что сгорит дотла.

Вот — дерево,
оно — ольха,
если вокруг — истерика,
с нею не до греха —
жить бы да жить под сенью
в шорохе юной листвы,
хоть рядом — собака на сене
с растерзанным трупом лисы.

Вот — дерево,
оно — сосна,
оно для нашего севера —
свечка под образа,
однако ветер подует,

и хвои огонь задрожит
в зелёном своём испуге
за эту древесную жизнь...

* * *

Ходил за плугом
в поле, как Толстой,
пах мёдом, диким луком,
берестой,
считал ворсинки
в недокошенных лугах,
и будто Сивка-
бурка — ах, легка рука —
вставал, как лист
перед живой травой,
на божий свист
сурдинки камышовой за рекой.

И без имения —
имея лишь суму —
в которой семени
пастушьей сумки на весу
казались качкою
хождения за тридевять земель —
на свет батрачил ты
за честный хлеб себе.

Вернёшься в город —
тут иная круговерть —
не серп, но молот
не даёт руке стареть.
Средь башен каменных,
что гулко подпирают
пыльный свод,
глаз фотокамеры
хватает область
обустроенных свобод.

И вот уже не лесом,
а кварталом —
сквозь туман и смог —
теперь как Достоевский —

что проигрался вдрызг и занемог —
плетёшься
мимо окон и витрин —
покуда осень
растворяет аспирин.

Раскрывши томик —
сядь у мифа торного в гостях,
что долго тонет
в надоевших новостях
усталым солнцем
с тусклой цедрой на лице,
но остаётся
многоточием в конце...

* * *

Когда земля
стояла на трёх китах,
и словом «зима»
хотелось себя огибать
звонче и крепче —
росли в высоту города
на костях человеческих,
но так была молода
мать богов —
белила и пудрила щёки,
красила губы, с которых легко
слетала воздушным шёлком
небесная речь —
прозрачная на свету.
Всё лишнее решили отсечь —
по нынешний день секут...

Сидишь с чашкой кофе
в утренней простоте —
без мыслей о катастрофе,
без пламени на хвосте —
а в дальнем углу пространства,
где сбилась в остатке тень —
уже тридевятое царство
бросает себя на плетень.

Но тройка китов — эпична,
и булка земли — свежа,
пока не чиркнули спичкой,
крича «пожар!».

* * *

Маленький мальчик
с простуженным красным горлом —
как мелочь со сдачи —
перебирает знакомые
истины взрослых,
глядя в оттаявшее окно —
но видит сейчас лишь воздух,
в глазах обнажающий дно.

Мячик в углу — полуспуцен,
солдатики — в тусклой жестянке
из-под даров райской кущи
впали в военные сны —
настоящей атаки
варево крови,
машины в миниатюре —
не беспокоит цена на бензин
и соляру —
им в беспечном июне
бурый песок возле дома
достанется даром.

Там — за окном —
будто нет ни ангины,
ни таблеток невкусных.
Зданий бетонные гири,
переосмыслив эллинское искусство,
грузно повисли в зябком
на ощупь тумане
в чьих-то железных
и всемогущих руках,
что так безудержно прорастали
в рамках застройки
открытого материка.

Мальчика этого нарисовал художник,
вновь силясь осмыслить грань
между там и тут —
по ту сторону стёкол вынес
себя осторожно,
детство по памяти
в кадре поймав налету,
в котором всё время
к окну придвигается стул...